

ВИКТОР
ДЕРЖАВИН

АГЕНТУРНАЯ
РАЗВЕДКА

МИКСТ

ЧАСТЬ 8

Литрес

Агентурная разведка

Виктор Державин

**Агентурная разведка.
Часть 8. Микст**

«Автор»

2023

Державин В.

Агентурная разведка. Часть 8. Микст / В. Державин — «Автор», 2023 — (Агентурная разведка)

В этой части я начну рассказывать, как в нелегальной разведке на практике муж и жена работают в паре. Как на тактику и практику работы влияет боевая обстановка. Приоткроется ответ на вопрос о том, как происходит балансировка между интересами семьи и службы на конкретных боевых эпизодах из практики нелегальной разведки. Это художественная книга, но основана на реальных событиях, реальных боевых эпизодах. События, люди и поступки не всегда могут соответствовать тем или иным представлениям о нелегальной разведке, сформированным на основе великого русского культурного наследия советского периода по данной теме, отличаются от лучших западных произведений литературы и кино. При этом, несмотря на то что события этой части описывают период середины «нулевых» - герои книги являются вашими современниками. Рекомендация: тем, кому не понравились предыдущие части книги – лучше не покупать эту часть. Интересно, работа мужа и жены в паре — это преимущество или недостаток?

© Державин В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Державин

Агентурная разведка. Часть 8. Микст

Предисловие

Микст (англ. mixed – смешанный) – вид игры в большой теннис или бадминтон, когда пара, состоящая из мужчины и женщины, играет против другой пары, тоже состоящей из мужчины и женщины. В этом и есть отличие микста от простой игры в теннис или бадминтон парами, где играют друг против друга либо только мужские пары, либо только женские пары.

А в чём особенность микста?

Особенность очевидна. Ни для кого не секрет, что мужчины в разы мощнее и быстрее. Но поскольку женщины играют по обе стороны, то результат матча далеко не всегда предсказуем. Кто из девушек лучше справляется с подачей и ударами мужской половины соперника, тот чаще всего и побеждает. Формат матча, как и в классической паре, – максимум три сета, решающий проходит в форме королевского тай-брейка (укороченный гейм, в котором теннисисты получают по одному очку за каждый взятый розыгрыш).

А как это работает во внешней нелегальной разведке? Женщины – это слабое звено?

Работа в паре жены и мужа – это классика всей внешней нелегальной разведки России и не только. Самых выдающихся успехов наши разведчики добивались тогда, когда муж и жена работали вместе. Это касается и советского периода истории России, и постсоветского. Это касается и Службы внешней разведки, и Главного разведывательного управления Генштаба, то есть обоих органов внешней разведки страны.

В нашей с Вильте паре женщина, пожалуй, сильное звено. Но это не точно. Ответить на этот вопрос можно только на практике. Многие добавляют, что и в сравнении. Вроде бы Ленин так говорил. Не помню и знать не хочу. Но, похоже, сравнение будет вредным. Видать, ошибался главный коммунист.

Я всё ещё считал, что мне гораздо удобнее работать в одиночку, хотя уже успел ощутить некоторые преимущества от совместной работы с женой. Но в основном эта работа сводилась к помощи друг другу. Мне особенно помогало то, что Вильте виртуозно владела техникой отправки информации и сообщений при помощи различных новых способов и аппаратуры.

Ей нравилось, что под моим напором и влиянием она чаще и активнее начала пользоваться тайниками, которые я устраивал и обслуживал. То есть майор Державина для меня действительно стала «радишкой ГРУ», а подполковник Державин стал для неё «курьером СВР» и по особым поручениям («порученец»). Всем удобно.

К настоящей работе в паре нас настойчиво начали подталкивать и генерал Крупин, и новый куратор Вильте в СВР генерал-майор Александров. Именно с появлением её нового куратора мы связывали эти настойчивые, но очень интеллигентные просьбы нашего руководства приступить к активизации работы в паре.

Тем не менее и меня, и Вильте что-то сдерживало. Что-то нас останавливало.

Лично мне интуиция очень настойчиво подсказывала проигнорировать требования командования, точнее, их настойчивые просьбы. В принципе, я мог отказаться от работы в паре вообще без объяснения причин. Для ГРУ всё-таки это было не так принципиально (я это чувствовал).

А для нас лично? Сдерживала только интуиция. Она неустанно подсказывала, что это решение может оказаться роковым. Никаких других объяснений тогда у нас не было. Потому что только позже мы узнаем многое, в том числе и из открытых источников, о наших коллегах.

Один из них, полковник Михаил Анатольевич Васенков, родился в 1942 году. В 1965 году с золотой медалью окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Но ещё в училище его заметили военные контрразведчики – «особисты»...

В 1968 году он окончил двухгодичные курсы подготовки оперативных работников со знанием иностранных языков Высшей школы Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров (СМ) СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Овладел испанским, английским, французским языками.

Далее служил в Управлении «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления КГБ СССР, позднее – в СВР России.

Работу нелегалом (на казённом языке – «работа в особых условиях») начал в Испании. По легенде, Хуан Жозе Лазаро Фуэте был гражданином одной из латиноамериканских стран. Затем получил гражданство Перу и женился на местной журналистке Вики Пелаес. Усыновил её сына от первого брака. Потом у супругов родился общий сын, и вся семья в середине 1980-х переехала в Нью-Йорк. Трудился фотографом, завёл обширные связи. Затем в США преподавал в университете. Оперативная работа шла настолько успешно, что закрытым указом от 12 января 1990 года за мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, полковнику Васенкову Михаилу Анатольевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Из-за предательства полковника Потеева (эта мразь получила мировую популярность) был в 2010 году арестован в своём доме в Нью-Йорке. Вместе с группой наших нелегалов был обменян СВР на арестованных в Москве американских шпионов и доставлен самолётом в Россию.

В ФБР и ЦРУ его знали как «Фотографа».

Позднее, когда Михаил Анатольевич был уже в России и рассекречен, он говорил, что постоянно учился. И в молодости, и когда стал профессором университета в США – всё равно продолжал учиться.

Позднее в одном из интервью он скажет то, о чём я сам думал и чего опасался на уровне интуиции:

«Эти кроты, предатели сидели здесь. И, думаю, в разведке тоже. Если бы не Примаков, разведку уничтожили бы, многие хотели в ней командовать. Но Примаков спас. Но всё равно какие-то люди остались. Они и выдали. Один из таких и выдал меня. Я понял это в камере. Человек пришёл в камеру и предложил сознаться в шпионаже. Показал папку с досье, на которой моя фамилия. И что после этого? Назвал своё настоящее имя, но добавил, что больше ничего говорить не намерен. Когда тебе показывают твоё фото, сделанное в Москве, всё становится понятно. Я с тем человеком не говорил. Противно. Признал: да, я. И на этом закончили».

Позднее стало известно, что это за фотография. Это фотография молодого лейтенанта, выпускника военного училища, казённая и очень чёткая фотография для личного дела офицера Вооружённых Сил СССР, обязательная фотография, «уставная», в парадной форме. Это личное дело, разумеется, перекочевало вслед за офицером из армии в ПГУ КГБ, позже в СВР, то есть в итоге в руки кадровика управления «С» – полковника Потеева (не пишу его инициалы из-за глубочайшего презрения к предателю).

В то время мы с Вильте были уверены, что вся система власти у нас насквозь пронизана предателями, причём в большинстве своём не за идею, а за самое тупое «бабло» (извините за выражение). То есть мотивация для отказа от работы в паре была на поверхности. С другой стороны, мы знали о некотором исходе из наших систем (включая нелегалов, но не только), который продолжался до середины девяностых годов прошлого века. Генерал Крупин считал, что обе наши разведки очистились, и в целом таких (в большинстве своём вовсе не предателей) оказалось немного. В обоих ведомствах существовал джентельменский договор с этими ушед-

шими о невмешательстве. В основном это работало. Но эксцессы были, с разными последствиями.

Эти слова о предателях полковника Васенкова мы прочитаем позже, тогда мы ничего не знали о знаменитом «Фотографе». Но знали другое. В частности, знали о полковнике ПГУ КГБ СССР Олеге Гордиевском – предателе, который нанёс очень сильный удар по резидентуре ПГУ. Знали, что из-за него другой полковник ПГУ КГБ СССР, Алексей Михайлович Козлов, после почти 18 лет работы нелегалом был арестован. Ни единой ошибки, но в 1980 году – арест в ЮАР. Два года допросов, пыток, камера смертников, полная безвестность, и в 1982 году обмен на двенадцать чужих шпионов. Алексей Михайлович на момент ареста работал уже в одиночку, так как его жена, прекрасный офицер, скончалась от болезни за несколько лет до этого. Поэтому после ареста ему было намного легче. Только много позже узнали, что по возвращении в Москву он работал в Центре и... снова исчез: ещё 10 лет в нелегальной разведке в неизвестных краях. Наша легенда и пример для подражания независимо от ведомственной принадлежности!

Мы с Вильте не аналитики – мы практики, поэтому интуитивно опасались централизованного подхода работы с нелегалами в СВР, в Управлении «С». Не спешили. Размышляли.

Сейчас в этом управлении знают, что я всего лишь муж Вильте, просто мужик для зарабатывания денег, как тогда шутили, «для передачи денег жене в форточку». Только генерал Александров и ушедшая в администрацию президента (со слов Александрова) полковник Нечаева знали, что я офицер нашей армии и служу в ГРУ. Опасался, что знает ещё и начальник Управления «С» СВР, но в данном случае сильно не беспокоился. Вместе с тем боялся, что если мы начнём работать в паре, то круг посвящённых сильно расширится за счёт офицеров Управления «С» СВР.

Другое дело в ГРУ. Мои документы (включая оба экземпляра личного дела офицера) хранятся в сейфе у генерала Крупина, и никто больше ничего не знает, кроме Громова, который (по информации от того же Крупина) останется невыездным на всю оставшуюся жизнь, и Коваленко, который только что убыл для дальнейшего продолжения службы в ГРУ в Москву. Кстати говоря, в этом подходе ГРУ, когда вся жизнь и судьба в одном сейфе, тоже есть узкие места, и немало. Например, какой-нибудь инфаркт начальника управления – и ты надолго без связи и вообще без помощи. Конечно, на случай инфаркта начальника есть аварийный канал связи с нашим резидентом ГРУ здесь, в США. Но тут минусов может быть больше, чем пользы.

В ГРУ тоже есть кадровики, которые много чего знают, и личные дела не всех нелегальных резидентов хранятся в сейфах больших начальников. Но в ГРУ были и другие балансиры, о которых не принято говорить, но все, кто соприкасается с ГРУ, их знают. Если по вине кого-либо будет нанесён ущерб ГРУ – жди казни и иных последствий. Это только намного позже получит огромную огласку история Скрипалей. Все узнают о несчастье сына Скрипаля, а потом и с дочерью что-то случится в компании с отцом. Здесь, в США, никто не сомневался в причастности к этому делу ГРУ, хоть и с лёгкой усмешкой. Но я уже тогда знал и другие примеры, о которых не напишешь, и помнил Володю.

Со временем пример Володи оценил и с другой стороны. Понимал, что Громову в своё время было очень важно сделать дело именно моими руками. Это был очень наглядный пример того, как это бывает, доходчиво и прямо на практике, с учётом того, что я не провёл три года в «консерватории» и некоторые азы мне нужно было преподать, причём на практике.

В СВР не было ничего подобного. Почему? В то время я ещё не знал ответа на этот вопрос, всё впереди. Но это одно из самых системных отличий, имеющее очень сильное основание и практические последствия.

Ещё позже мы узнаем, что семья полковника Васенкова Михаила Анатольевича подвергнется после его ареста очень серьёзным испытаниям, изнуряющим допросам, но не пыткам.

ФБР убедится в том, что семья ничего не знала, поэтому и Михаил Анатольевич был относительно спокоен, что прибавило ему стойкости и уверенности.

Вот этот момент и был в основе подсказок от той самой интуиции. Трудно сказать, какое решение мы приняли бы, если бы знали тогда этот пример.

Совместный замысел СВР и ГРУ нам с Вильте был очень доходчиво и детально раскрыт. В нашей паре руководство видело огромную перспективу, мы стали очень ценными офицерами, при этом начальники считали, что наш потенциал далеко ещё не раскрыт, что именно в совместных и согласованных действиях ключ к нашему развитию и успеху. Но вначале это бурное развитие.

А что считать успехом? Что конкретно?

В том и дело, что ничего конкретного.

Нам объясняли, что у разведчиков-интеллектуалов, у нелегалов самой высшей категории с годами необходимость в вербовках уменьшалась, а чаще вообще отпадала. Когда пара растёт во всех направлениях своей нормальной жизни и деятельности, то из круга общения мы многое будем знать сами, без источников. Это высший класс для офицера разведки и СВР, и ГРУ. Нам объясняли, что когда мы будем расти, продвигаться вперёд, то многие и многие сами будут искать возможность познакомиться с нами, войти в контакт и, чтобы завоевать наше доверие, вынуждены будут заинтересовывать нас, то есть делать из себя интересных людей – это значит делиться информацией для избранных. Кроме того, определённый статус и, как следствие, обладание чувствительной информацией в США делают имя человеку и во всём остальном мире. Согласны или не согласны, но таков статус США в мире. Самые информированные люди – это отнюдь не главы государств, а их помощники, советники, простые трудяги чиновничьи аппаратов, главные конструкторы и подчинённые им инженеры, начальники Генштабов, но не менее информированы (иной раз и более) те самые начальники отделов этих штабов.

Таким образом, аргументация наших начальников была вполне убедительной, и мы не могли просто так от неё отмахнуться. Но серьёзность этого решения понимали и... боялись. Знали и понимали риски работы в паре.

Видимо, генералы Крупин и Александров понимали нашу осторожность и с целью преодоления наших сомнений сообщили (мне – Крупин, а Вильте – Александров), что в СВР никто, кроме самого Александрова и руководителя СВР, не будет знать, что я офицер нашей армии, ГРУ. В свою очередь, генерал Крупин сообщил мне, что только он и начальник ГРУ будут знать, что Вильте – офицер СВР.

Это был решающий момент, нас убедили. Подчёркиваю – убедили, а не приказали. И мы с Вильте, наконец, решились обдумывать это дело...

Глава 1

В разведке часто бывает, что ставят задачи заведомо невыполнимые. Точнее, наши генералы понимают заранее, что выполнить ту или иную задачу почти невозможно.

Вместе с тем они хорошо понимают, что при выполнении задачи офицеры непременно столкнутся с трудностями, проявят инициативу и смекалку и в итоге наткнутся на что-то нужное, интересное и новое. Значит, выполнят другую задачу. Возможно, эту задачу ставили другим офицерам, или вообще никто из наших не догадывался о том, что есть, оказывается, что-то настолько новое.

Мы с Вильте раскусили наших генералов, уловили их замысел, понимали его и внутренне с ним соглашались.

Суть этого замысла заключалась в том, чтобы активизировать нашу работу, так как работа в паре неминуемо приведёт к расширению круга общения, к новым знакомствам, новым идеям. Это важно, но лишь как приём и способ активизации работы. Настоящую отдачу от нашей работы в паре они ждали, конечно же, только тогда, когда мы столкнёмся с неминуемыми трудностями, проявим инициативу в их решении и обязательно найдём что-то такое, чего никто не знает и поэтому не ищет. То есть типичный и известный любому командиру поиск в разведке, который нужно перенести на стратегическую глубину. Считалось, что в паре это лучше реализуется, потому что работа в паре – это работа с более высоким качеством и набором инструментов.

На примере войск выглядит так: из прифронтовой полосы перенести поиск в глубину – глубинная разведка. А в чём разница? Разница в том, что в прифронтовой полосе выполняют задачи разведывательные роты обычных мотострелковых или танковых полков, чуть дальше – разведывательно-диверсионные роты разведывательных батальонов мотострелковых или танковых дивизий. В глубине, в тылу – разведывательные группы, и на коммуникациях – диверсионные группы из состава бригад специального назначения ГРУ Генштаба, а это профессионалы совсем другого уровня и подготовки. Если отбросить небольшую разницу в организационно-штатной структуре и терминологии, то организация войсковой разведки одинакова для обеих армий: и России, и США.

В своё время генерал Крупин мне определённо сказал, что в качестве нелегала он работал в паре со своей женой. То же самое генерал Александров сообщил Вильте в одном из своих посланий. Точнее, в первых своих (программных) сообщениях при вступлении в должность. Для нас было очевидно, что генералы Александров и Крупин решили, что наибольших успехов мы добьёмся, работая в паре, и каждый со своей стороны начал нас к этому мотивировать.

И тем не менее я понимал, что генерал Александров и его предшественник полковник Нечаева пришли к выводу о том, что они никак не могут мотивировать Вильте к более инициативным действиям. Да, она продолжала генерить приличный и качественный поток информации, но они, видимо, считали, что это далеко не потолок для Вильте, полагали, что она ещё далеко не раскрыла свои способности и возможности. На неё аккуратно давили, просили, но ничего не менялось. Нелегалу особенно не поприказываешь, не обматеришь. Эти подходы в работе с нами совершенно неприемлемы.

Разумеется, генерал Александров отлично понимал, что Вильте очень дорожит своей семьёй, дорожит детьми и считает, что делает и так достаточно. Поэтому единственный выход из сложившейся ситуации он видел в том, чтобы сделать из меня на какое-то время локомотив в нашей паре. Крупин считал, что я от определённой информации отмахиваюсь, пренебрегаю ей и немного ленюсь. То есть они нам этого не говорили напрямую, но это чувствовалось из их сообщений. Очевидно, что наши генералы нашли общий язык.

Нам с Вильте однажды пришло сообщение с просьбой изучить российский закон о разведке.

Удивились, нашли в интернете и прочитали вместе. В принципе, ничего нового для себя не нашли. Не поняли наших генералов, но посмеялись над тем, как они пытаются хитрить, заходят совсем издалека...

Хотя я их понимал. Со мной эта теоретическая часть работы давно проведена. Я сам фильтровал добытую информацию и политику по большей части отметал, так как мне в своё время дали намёк на это, и руководивший мною в то время начальник направления, видимо, не хотел заниматься сортировкой и первичным анализом того, что ему неинтересно. С Вильте такая работа не велась никогда, она просто направляла всё своим, так как вся добытая ею информация была научно-технической.

В следующих сообщениях нам начали разъяснять кое-что. Нам напомнили, что, например, по закону полномочия между органами внешней разведки разделяется так: службой внешней разведки Российской Федерации – в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической сферах, в сфере шифрования... и так далее; органом внешней военной разведки (ГРУ Генштаба) – в военной, военно-политической, военно-технической, военно-экономической и экологической сферах.

Разъяснили подробно, но особенно на двух примерах.

Военно-стратегическая информация (СВР) – это долгосрочные прогнозы развития военно-стратегической обстановки в мире, политического развития страны, проецирование экономической, политической, финансовой, научно-технической и военной силы любыми способами (не только путём прямого применения армии США).

Военно-политическая информация (ГРУ Генштаба) – это политика США, направленная на сдерживание или развязывание военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения военной силы США, повышение мобилизационной готовности и безопасности США, а также интересов их союзников.

СВР и ГРУ Генштаба отлично понимали, что в процессе добывания информации часто заранее невозможно определить, обладает ли наш будущий агент политической информацией (СВР) или военно-политической информацией (ГРУ), а в такой паре, как наша, вся информация будет иметь значение, ничего не пропадёт, ни одного зёрнышка, так как в любом случае, если добытая информация неинтересна ГРУ, то она может очень даже подходить СВР. Или, например, экологическая сфера отнесена к компетенции обоих разведывательных органов. Но ясно, что где-то там, в каких-нибудь секретных указах руководителя нашего государства эта тема более подробно раскрыта, и понятно, что ГРУ экология интересует только как последствия (следы) разработки, производства или эксплуатации и хранения ядерного, химического, биологического, бактериологического оружия. Нам вообще неинтересен «мирный атом», то есть АЭС, чего не скажешь про СВР.

В итоге мы с Вильте поговорили и пришли к решению действовать...

Всё-таки желание побольше помочь своей Родине победило страх. Тем не менее никаких быстрых мер договорились не предпринимать. Решили двигаться не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой. Вот эта неторопливость и решение о крайней осторожности, иллюзия, что нам удастся полностью управлять совместными действиями, оказались пресловутой «последней каплей» при принятии решения. Нашего добровольного решения, а не решения наших командиров и начальников. И это тоже имело самостоятельное значение, так как мы договорились при наступлении каких-либо рисков резко всё прекратить и действовать автономно друг от друга или полностью прекратить при существенных рисках.

На фоне принятого решения с новой силой и энтузиазмом взялись за меры безопасности.

Каждый раз, когда мы хотели спокойно пообщаться дома, то прежде всего дотошная Вильте с помощью специальной аппаратуры проверяла нашу столовую и некоторые другие помещения дома на предмет наличия/отсутствия «жучков».

Однажды вечером, когда мы с Вильте уже уложили спать детей и тихо, скромно пили вино в столовой, она меня спросила:

– Витя, ты не мог бы для меня прояснить ситуацию с покупкой акций?

– Не хотелось бы.

– Знаешь, у тебя оказался фантастический источник информации. Акции просто взлетели, и их рост продолжается. Наш брокер уверяет, что это ещё не предел и не стоит пока фиксировать прибыль.

– Фиксировать... Это продавать купленные акции?

– Да, это момент, когда надо получить деньги с прибылью. Можешь хоть что-то рассказать?

– Зачем тебе?

– Меня просят попробовать сосредоточиться на работе в финансовом секторе. Пока что я проявила себя только на научно-техническом направлении. Говорят, что это важно, но универсальный ключик ко всем дверям – это финансовый сектор. Мне не хочется делать что-то рискованное, но помочь нашим всё равно есть желание. А тут я подумала, что что-то интересное, возможно, появилось у тебя.

– Обсудим. А ты можешь сказать, что там интересное и в каком направлении ты нашим сейчас генеришь? Совсем в общих чертах. Просто для понимания, кто над чем сейчас думает.

– Кое-что могу. Речь идёт о технологиях двойного назначения. Это настоящая тема. Я собой горжусь. Понимаешь? Американцы очень прагматичны. Протестанты. Им всегда хочется создавать что-то передовое для военных, но и чтобы гражданский сектор имел с этого навар. Тогда все государственные траты очень быстро окупаются.

– А поконкретнее? Как это у них работает?

– Они вначале провели работу над ошибками, сделали выводы, кое-кого упаковали на свои сумасшедшие сроки и сосредоточились на использовании малых коммерческих спутников для обеспечения широкополосного доступа в интернет, а не на традиционных заказах больших военных спутников. Таким образом, Пентагон начал привлекать частный капитал и венчурные инвестиции, а они всегда частные, для постройки новой архитектуры спутниковой группировки, прежде всего предупреждения о ракетном нападении. Речь идёт о тысячах спутниках на малой околоземной орбите. Такой коммерческий подход касается не только спутников, но и другой полезной нагрузки, а также порядка разработки программного обеспечения двойного назначения, и это действительно сокращает время реализации военных проектов. У них десятки подрядчиков и сотни субподрядчиков. Одного из этих подрядчиков возглавляю я, и он завален заказами от генеральных подрядчиков, иногда даже от головных исполнителей.

– В чём ещё преимущество этого москитного космического флота?

– Они имеют цель перейти на трёхлетний цикл разработки космических аппаратов. Представляешь, какой прорыв?

– И дальше что?

– Витя, что погубило нашу страну? Можешь перечислить основные причины?

– Мы с тобой обсуждали это неоднократно. Понятно.

– Перечисли.

– Отсталые старики во главе страны с утопической и тупой идеологией. Это первое. Возможно, что тема тупой идеологии самая главная. Но это не точно. Второе – это их тупое и старательное выращивание национальных кадров, нынешней элиты уже независимых стран вместо ударных усилий по ассимиляции всех национальностей в единую русскую, в крайнем

случае советскую нацию, хотя это, возможно, утопия, не знаю, не моя кафедра. Непомерные и непродуманные военные расходы, а также тупейшая война в Афганистане.

– Всё правильно. Но война в Афганистане ни на что не повлияла – это копейки. А вот военные расходы и неприменение военных разработок в народном хозяйстве – это подрыв экономики нашей бывшей страны. Никакая экономика этого не вынесла бы.

– Допустим. И что?

– А знаешь, почему во многом расходы СССР на военные нужды стали непомерными?

– Нет.

– Потому что наши вояки не хотели отказываться от неудачных проектов. Почему? Потому что у нас же были отраслевые министерства, и они настаивали на том, чтобы продолжать вкладываться в неудачный проект, чтобы оправдать предыдущие вложения. У американцев нет отраслевых министерств. У них эту роль выполняют генеральные подрядчики или головные исполнители – это весь именитый технологический и производственный крупный бизнес. И то же самое творится. Нет, им, конечно, дают по рукам периодически. И тем не менее есть такие явления и периодические скандалы с посадками. И вот этим одним решением они полностью решают проблему, напрочь просто выносят экономическую базу неэффективности и запредельной коррупции. Понимаешь?

– Логично и правильно.

– Это не всё. Ещё одно серьёзное изменение ждёт в связи с такими решениями. Необходимость привлекать к работе широкий спектр коммерческих фирм вынуждает этих закоснелых тупых вояк из Пентагона и сумрачных дебилов из ФБР снижать требования по секретности, уменьшать их и сокращать. Что влечёт возможность делиться технологией с союзниками США. Понимаешь?

– Как с тобой интересно! Отлично! Ну ты даёшь! Это твоя аналитика или что-то конкретное?

– Неважно. Поясню. Уже задан тренд на то, чтобы через два года приступить на практике к программе, в соответствии с которой планируется поделить исполнителей запуска на два уровня. На первом уровне могут быть любые коммерческие фирмы, занимающиеся запусками небольших космических аппаратов. На втором уровне – фирмы, способные осуществлять запуски в интересах национальной безопасности с соблюдением специфических требований. Соответственно, необходимо разное программное обеспечение. Скажи, тяжело догадаться?

– Тебе, наверное, просто. Мне тяжело.

– И тебе было бы просто, если бы ты был в теме. Но есть и кое-что конкретное. Есть что почитать и... ну ты сам понимаешь. Они вынуждены нам всё-таки кое-что разъяснять, чтобы мы хорошо понимали цели и задачи. Но и это не всё. Реализация этой их программы приведёт к диверсификации исполнителей по программам запуска. То есть появится конкуренция. А это обязательно приведёт к снижению стоимости. А у нас что? Я вот читаю то, что они нам рассылают для ознакомления и расширения кругозора про родной Роскосмос, и у меня руки тянутся к автомату. Если бы у меня был автомат, я бы там через одного расстреляла. Такое впечатление, что я работаю на урну, и они там ничего не знают.

– Там у тебя Роскосмос конечный потребитель?

– На верхушке он. Но вся конкретика, естественно, в ракетно-космической корпорации «Энергия», ну и все наши знаменитые типа «Хруничева», «Прогресс», «Решетнёва», «Лавочкина». Но именно Роскосмос видит самое важное и стратегическое. Не знаю, что они направляют на предприятия. Твои вояки этим же предприятиям и заказывают свои спутники, но там, как я понимаю, единицы, крохи у твоих вояк. Просто у наших генералов нет и не предвидится первого уровня, который уже через пять-шесть лет будет у американцев в огромном количестве, то есть у наших вояк практически не будет гражданского уровня – фундамента. Я уже

поняла, как работает у нас и как работает у американцев. Пока наш самый главный не наведёт порядок в этом сраном Роскосмосе, у наших вояк – зеро!

– Я тоже читаю многое и всё время думаю, как там у нас. Душа болит.

– Так что, Витя? Можешь сказать что-то, интересующее меня?

– Короче. У меня есть один начальник отдела, которого я задействовал мне помогать. Задействовал его втёмную. Он имел задачу прослушать встречу одной элитной проститутки с важным человеком. Так получилось, что я заигрался, намереваясь сбить его с толку для дальнейшего использования, и он случайно прослушал и записал разговор этой проститутки с одним банкиром. Проститутка просто оставила сумку, где стоял жучок, в другой комнате. Банкиру позвонили, и он ушёл поговорить в ту комнату, где никого не было, но стояла её сумка. Таким образом, мы записали указания этого банкира неизвестному о срочной покупке акций некоторых компаний.

– Ничего себе! А кто этот банкир, сказать можешь?

– В принципе, могу. Это глава Федерального резервного банка Бостона.

– То есть это государственный орган, регулятор финансового рынка на определённой территории?

– Да. Очень большая и опасная шишка.

– Эта запись у тебя есть?

– Оригинал у меня. Копию уничтожил мой этот агент, думая, что уничтожил оригинал.

Просто надо было его успокоить.

– Он ещё жив?

– Конечно. Ты что?

– Витя! Я что? Я ничего! Ты не охренел?

– Что ты имеешь в виду?

– Витя, ты самый умный тут в Америке нашёлся?

– В каком смысле?

– Витя! Ты не собой рискуешь – ты рискуешь нашими детьми! Ты что, дебил, что ли?

– Что ты хочешь?

– Это я хочу? Да на хер мне это всё нужно?! Ты о детях подумал? В конце концов, ты обо мне подумал? Или ты только о себе думаешь?

– Да ничего не случилось.

– Неизвестно. Дай бог, если пока ничего не случилось. Ты думаешь, что вот так просто можно людьми двигать, как пешками? Тебе тот случай мозги не вправил?

– Второй раз спрашиваю, что ты предлагаешь?

– Не догадался?

– Но я не вижу такой уж опасности.

– Ты её увидишь, когда в дверь вломится ФБР. Да?

– Он ничего не знает.

– Но он знает, что записал разговор банкира?

– Конечно.

– Чего ты ждёшь? Или ты ждёшь, когда он начнёт тебя шантажировать?

– Вильте, но...

– Думай! Думай, Витя, как решать, причём срочно.

– Ты имеешь в виду радикально решать?

– А как ещё?!

– Не думал, что ты ...

– Такая! Ещё и не такая. Я за свою семью ещё и не на такое способна. Сейчас ты мне спокойно и подробно всё рассказываешь, и мы вместе думаем, как решить этот вопрос.

– Мы?

– Мы. И вот ещё что. Теперь мы все вопросы решаем вместе. Только вместе. Ты и я. И без обоюдного согласия ни один шаг не совершаем.

– Ты хочешь, чтобы я выполнял задачи по согласованию с тобой?

– Именно. Ты со своей чапаевщиной подведёшь нас однажды под монастырь. Мне страшно, Витя. И мой совет тебе не повредит. Так же, как и по моим делам твой совет.

– Плохо получится, если ты будешь в курсе всех моих дел.

– Плевать на все эти правила. Я чувствую большую опасность от твоего творчества.

Я рассказал Вильте всё в деталях. К шести утра у нас был план.

Глава 2

Я еду в офис, чуть позже у меня встреча с Людой в скверике.

Нино едет в офис к Вильте, и они где-то там рядом попьют кофе.

Люда примчалась точно к назначенному времени. Одета в спортивном стиле, максимально неприметно.

Сначала поговорили о наших текущих делах.

– Люда, у меня трудности на работе с одним хмырём.

– Что случилось?

– Он случайно узнал об одной моей махинации с деньгами и теперь шантажирует.

– Как он мог узнать?

– Он айтишник, а я по незнанию оставил следы в компьютере. Этот осёл снял скриншоты следов и теперь требует от меня пятьдесят тысяч.

– У тебя их нет?

– Есть. Но потом он потребует ещё двести тысяч или триста.

– Поняла. Чем я могу тебе помочь?

– Я хочу его убрать.

– Как?

– Ты мне поможешь?

– Конечно! Что делать, шеф?

– Я скажу. Ты готова мне помочь?

– Ты сомневаешься? Говори, что делать.

– Его надо убрать. Но у меня должно быть легко проверяемое и железобетонное алиби. Больше мне просить некого.

– Как?

– Он приедет в укромное место. Это не твоя забота. Ты его там будешь ждать. У тебя будет бесшумный пистолет. Два выстрела. Потом труп перетащишь к заранее подготовленной яме и закопаешь. Забираешь лопату. Идёшь к машине и едешь в определённое место, там выкидываешь лопату. Потом ещё поездишь по заранее продуманному мною маршруту. Всё.

– Убийство.

– Это если труп найдут.

– Ладно. Я согласна. Это ради тебя. Куда мне без тебя, Витя? Сколько тут дают за два убийства?

– Не думай об этой фигне.

– Ладно. Ты там мне денег обещал в долг. Уже скоро понадобятся.

– Будут у тебя деньги.

– Я выполню твою просьбу не за деньги. Ты понял меня?

– Люда, как мне дорого слышать такие слова от тебя. И деньги я тебе дам не за услугу, а просто так, как помощь друга. Если не возьмёшь, отнесу в церковь или на помощь детям отдам.

– Раз просто помощь... Когда я буду знать что-то конкретное?

– Рассчитывай послезавтра вечером на полную занятость. Инструкции я тебе дам тоже послезавтра.

Никогда не встречались с женой в обеденное время или на обед в будние дни. Это было в первый раз.

– Ну, что там Люда? – спросила Вильте.

– В полной готовности. Я бы сказал, что в боевой готовности. Что Нино?

– Легенду для Ника мы с ней подшлифовали немного, но в целом всё то же. Он должен завтра ночью встретиться с Людой, передать ей сумку с кокаином, забрать деньги. Завтра утром

он получит от Нино эту сумку с мукой под видом кокаина. Нино пообещает ему, что скоро они на эти деньги вместе поедут в отпуск, в Мексику. Говорит, что Ник готов сделать для неё всё, что он старается похудеть и занимается в спортзале.

– Что ещё скажешь?

– Проверила телефон Нино на предмет звонков и сообщений между Нино и Ником. Там всё чисто, она сама изначально избегала переписываться с ним и звонить. Все встречи проводила только на основании устных договорённостей при прежней встрече.

– Как она вызовет его на завтрашнюю встречу?

– Ты вызовешь Ника и сообщишь, где и во сколько ему надлежит быть. Там его будет ждать Нино. За неё я спокойна, она личность творческая и неординарная, при этом хитрая и умная. Все заранее сама продумывает. Молодец.

Вернулся в офис. Вызвал Ника.

– Ник, ты мне ничего не хочешь сказать о том, как ты выполняешь задачу главного инженера?

– Я сам хотел к тебе зайти. Он меня сильно прижал и требует, чтобы я уже сегодня вечером направил результаты. Виктор, я не могу устоять перед его агрессией. Разберись с ним сам! Я тебя очень прошу!

– Ник, напиши мне об этом подробно по электронной почте.

– Зачем?

– Ник, мне не так просто будет совладать с главным инженером. Кроме того, тебя надо защитить. А если честно, то в этой истории самое главное – упредить его удар по мне. Ты же отлично понимаешь, что если у меня всё будет хорошо, то у тебя тем более. Для этого нужно собрать на него всё и направить это Ричарду.

– Мне как-то не хочется...

– Ник! О чём ты думаешь? Нам надо решить этот вопрос, и дальше всё уже будет спокойно. Ты, кстати, следишь за акциями?

– Потрясающий рост! Жаль, что у меня денег было мало.

– Думай, Ник, где найти деньги. Скоро будет кое-что интересное для вложений. Но это строго между нами.

– Я понимаю это, Виктор.

– Отлично. А сейчас соберись. Это последний неприятный момент, и его надо просто пережить. Сейчас вернёшься на своё рабочее место и напишешь мне по электронной почте жалобу на своего непосредственного начальника, в доказательство приложишь всю вашу переписку. Я не буду отдавать её в нашу комиссию по конфликтам и комплаенсу.

– Переписка очень короткая. Он по рабочей почте боится такое писать.

– Значит, так и напиши. Подготовь всё как следует. Учти, что всё это увидит Ричард, поэтому твой текст должен быть очень мощным, убедительным, и выглядеть он должен как шаг отчаяния. Не стесняйся проявить эмоции, это только на пользу. Кроме того, найди повод и сходи к своему начальнику пару раз за день, а когда будешь покидать его кабинет, то не забудь о том, какое должно быть выражение лица. Осталось совсем чуть-чуть. Если сегодня всё сделаем как надо, то уже через два дня его здесь не будет. При этом он ничего не будет знать о твоей жалобе на него. Ричард не станет ему ничего объяснять. Ты же его знаешь! Там будет коротко: ты уволен! И всё. Это Ричард.

Ник заулыбался. Видимо, вспомнил манеры Ричарда.

– Не проблема соорудить траур при выходе из его кабинета. От него всегда так выходишь. А те вложения, о которых ты говорил, – это что-то криминальное? – опасливо спросил Ник.

– Ник, я всегда стараюсь всё делать легально и без криминала. Только в крайнем случае пользуюсь... Ну, ты сам понимаешь. На этот раз всё будет очень легально, но подробности в своё время. Ты лучше думай, где найти деньги, и держи язык за зубами.

Через пару часов мне на почту пришло сообщение от Ника. Это была лаконичная и пронзительная жалоба запуганного человека, уставшего прогибаться под угрозами и шантажом своего агрессивного непосредственного начальника.

В течение дня по камерам отследил всех, кто входил в кабинет главного инженера. Ник там побывал дважды.

Перед самым окончанием рабочего дня вызвал Ника и сказал, где и когда его будет ждать Нино, при этом рекомендовал телефон оставить дома, о встрече никому и ничего не говорить, так просила Нино.

Утром Нино встречается с Ником ещё до работы. Встреча будет во время её утренней пробежки. Телефон Нино в это время будет в квартире.

По настоянию Вильте все наши встречи друг с другом и с Ником в эти дни должны происходить при отсутствии телефонов. Объяснялось это биллингом телефона и сим-карты и необходимостью обеспечения алиби до, во время события и после него.

Ночью я выезжал в нужный перелесок за городом, в то место, где у меня когда-то был тайник за «минным полем».

От Нино пришло сообщение о том, что она хотела бы уже утром получить небольшой аванс, так как ей нужно срочно сводить маму к врачу на консультацию. Что, кстати, было правдой: специалиста я сам рекомендовал ей по наводке Кейси.

Утром от Нино пришло сообщение: «Большое спасибо за аванс! Ты меня сильно выручил». Вторая часть предложения означала, что у неё с Ником всё прошло как надо. А благодарность за аванс самая настоящая, ведь я ей действительно перечислил три тысячи долларов.

Утром видел, как Ник вошёл в офис с сумкой, которую я сам купил.

Вечером, после того как дети ушли спать, мы с Вильте собрались в столовой. Вильте молчала.

– Витя, прости меня, – едва сдерживая слёзы, произнесла Вильте.

– Что с тобой?

– Витя, я не могу.

– Что случилось?

– Я не могу-у-у-у...

Вильте разрыдалась.

Я подошёл к жене и обнял её за плечи.

– Спокойно расскажи, что у тебя случилось.

– Витя! Будь проклята эта разведка!

Я догадался, что имеет в виду моя жена.

– Вильте, ещё не поздно всё отмотать. У нас есть время, но немного.

– У него есть родители?

– Есть.

– У них ещё есть дети?

– Ещё есть младшие.

– Что он за человек? Расскажи.

Разумеется, я знал, что ничего хорошего рассказывать при таких обстоятельствах не нужно. Прекрасно знал ещё училищный постулат о формировании образа врага у подчинённых.

– Ублюдок. Он ржал и издевался, когда смотрел ролики на Ютубе про наших в Чечне. Ему доставляли радость победы так называемых «повстанцев» и митарства наших.

– Это правда? Или ты так меня успокаиваешь?

– Он по общему развитию совсем дурак. Но, в принципе, убивать его не за что.

– Ты меня винишь?

– Я бы оставил его жить и использовал по полной программе.

- А если он проболтается?
- Может. Сам об этом думал, поэтому и согласился с тобой.
- Что надо сделать, чтобы он точно навсегда замолчал?
- Нужна его полная зависимость. В принципе, он уже осознаёт эту зависимость от меня.
- Я боюсь, что он нас выдаст.
- Он ничего не сможет рассказать, кроме прослушки проститутки и в итоге банкира. Но самое главное – зачем ему болтать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.